

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МОНГОЛИИ
(1969-1976 гг.)

I

В конце XIX в. русские и финские экспедиции в Монголии открыли там несколько крупных эпиграфических памятников на древнетюркском и согдийском языках. Значение этих находок было оценено по достоинству: впервые древняя и раннесредневековая история Монголии, история культуры народов Центральной Азии получила отражение не только в подробных, но пристрастных и тенденциозных оценках китайской историографии, а в памятниках, созданных самим древним населением Монголии. Исследование открытых тогда эпиграфических памятников, и прежде всего наиболее древней и значительной их группы - древнетюркских рунических надписей, было продолжено многими русскими, западноевропейскими и в новейшее время монгольскими учеными¹.

В 50-60-х годах вопрос об углубленном источниковедческом анализе и кодификации уже известных эпиграфических текстов, поиске новых памятников и составлении обобщенных историко-культурных характеристик, основанных на их изучении, встал особенно остро. Это обстоятельство находится в связи с общим прогрессом в изучении взаимосвязей внутриазиатских цивилизаций, что нашло отражение в создании Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии при ЮНЕСКО², а также с необходимостью разоблачения многолетних извращений действительной роли народов Центральной Азии в культурно-историческом развитии человечества, содержащихся в буржуазной и псевдомарксистской шовинистической историографии.

С момента организации Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под руководством акад. А.П.Окладникова в ее программе были предусмотрены эпиграфические исследования, главным объектом которых должны были стать

всемирно известные памятники тюркской эпохи на древнетюркском и согдийском языках. В 1969 г. был создан эпиграфический отряд. Уже первые рекогносцировки показали, что возможности открытия новых памятников далеко не исчерпаны. В то же время ревизия многих уже давно открытых памятников выявила значительное число неточно воспроизведенных текстов или частей текста в существующих изданиях, не охватывающих к тому же сколько-нибудь полно всей эпиграфики Монголии. Тем самым были предопределены конкретные задачи эпиграфического отряда, выполнение которых сводилось к проведению трех видов работ: а) рекогносцировок большого масштаба с целью открытия новых памятников; б) ревизии и съемке известных памятников, надежность издания которых оказалась недостаточной для лингвистической и историографической интерпретации; в) выявления и точного описания археологических комплексов, в составе которых обнаружены эпиграфические памятники, и привлечения результатов этих работ к интерпретации памятников.

Эпиграфический отряд в составе СММКЭ работал в течение пяти сезонов (1969–1970, 1974–1976 гг.), причем в течение двух сезонов (1970 и 1974 гг.) участие советских специалистов сводилось к двухнедельным полевым обследованиям отдельных известных памятников. В работе отряда приняли участие научные сотрудники АН МНР Х.Лубсанбалдан, Г.Сухэбатор, Б.Базилхан, М.Шинеху, А.Очир, С.Каржаубай и научные сотрудники Института востоковедения АН СССР С.Г.Кляшторный (1969, 1974–1976 гг.) и В.А.Лившиц (1970 г.). Исследования велись в Центральном, Увэрхангайском, Архангайском, Булганском, Хэнтэйском, Южно-гобийском, Среднегобийском, Гоби-Алтайском, Кобдоском, Дзабханском, Убсанурском, Хубсугульском и Селегинском аймаках. Всего было в разной степени обследовано более 70 памятников на древнетюркском, согдийском и старомонгольском языках.

Обследование старомонгольских надписей осуществлялось в 1969 г. (Х.Лубсанбалдан) и в 1975 г. (М.Шинеху). Первым объектом были наскальные надписи на песчаниковых

плитах обрывистого борта долины Бичигтэ-гол, в 50 км от Бурзэг-Хангай-сомона. Надписи, сделанные черной и красной краской (всего 43 надписи), в большинстве относятся к ваньской эпохе, но из-за неудовлетворительной сохранности их копирование оказалось крайне сложным. В 1975 г. были скопированы три надписи Цокто-тайджи на скалах Тайтын Хар-хат (Далгэр-сомон, Центральный аймак). Однако главные усилия эпиграфического отряда были сконцентрированы на изучении памятников раннего средневековья — памятников на древнетюркском и согдийском языках.

II

Успехи восьмидесятилетнего изучения древнетюркской письменности создают иногда представление об известной завершенности научной обработки этой сравнительно небольшой группы памятников. Между тем именно сенсационные результаты десятилетия открытия и дешифровки выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось отложенным до настоящего времени. Остановимся на некоторых из них.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. Во второй половине VI в. это государство достигло апогея могущества, а в 630 г., в период максимальной внешней экспансии Танской империи, оно было разгромлено китайскими армиями. Тюркское население Монголии, оттесненное в неудобные для скотоводческого хозяйства районы близ Великой стены, под надзор китайских пограничных войск, не смирилось с утратой независимости. После восстаний 679–681 гг. и переселения на старые земли тюрки возродили собственную государственность. Второй Тюркский каганат просуществовал до 744 г. и был сменен Уйгурским каганатом (745–840).

Все обнаруженные до недавнего времени в Монголии памятники древнетюркской письменности относятся либо к эпохе Второго каганата, причем только к 20–30-м годам VIII в.,

либо к уйгурской эпохе. Следует ли, исходя из этих фактов, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в погребальных комплексах тюркской знати историко-биографические тексты возник лишь в эпоху Второго каганата? Что, следовательно, историческая письменность у тюрков возникла лишь в последние десятилетия Второго каганата? Такой вывод делался³.

В 1956 г. Ц.Доржсурэн обнаружил в Архангайском аймаке погребальный комплекс тюркской эпохи – на кургане с цепочкой балбалов была установлена на каменной черепахе-постаменте стела с надписями. В 1969–1970 и 1975 гг. памятник был изучен С.Г.Кляшторным и В.А.Лившицем и назван Бугутским (по ближайшему населенному пункту). Надпись содержала 29 строк согдийского текста, расшифрованного В.А.Лившицем, и санскритский текст письмом брахми, от которого сохранилось лишь несколько акшар. Бугутская надпись относится к началу 80-х годов VI в., ко времени существования первого Тюркского каганата, и содержит важные сведения по истории этого государства⁴. Как известно, в распоряжении исследователей не было письменных источников, составленных на территории Первого каганата и отражавших собственно тюркскую историческую традицию. Бугутская надпись является первым источником такого рода. В то же время эта надпись – древнейший из известных письменных памятников Монголии.

Другая проблема связана с ареалом распространения древнетюркского письма. Почти все найденные памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии. Следовало бы считать исходя из этого, что письменная культура в Тюркском каганате была локализованным, малораспространенным не только хронологически (20–30-е годы VII в.), но и территориально явлением. Тогда логично было бы признать близкой к истине определенную тенденцию китайской историографии, согласно которой тюрки принадлежали к тем "варварским" народам, которым чужды основные достижения цивилизации – письмо, календарь, историческое сознание, сложные формы идеологии.

Во время полевых работ в Монголии эпиграфический отряд СМИКЭ, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов, которые помогли бы решению указанных вопросов, осуществил достаточно широкое обследование наиболее важных районов, некогда входивших в состав тюркских каганатов, в том числе Хангайской горной страны, Монгольского и Гобийского Алтая, котловины Больших озер, Южной Гоби.

Прежде всего было твердо установлено, что руническая письменность Монголии не является локальным для какой-либо части страны явлением, а распространена во всех районах обитания древнетюркских племен, вплоть до Южной Гоби. Были изучены мелкие наскальные надписи в Гобийском Алтае, в северо-западной части Монголии, в Хэнтэе, в разных частях Хангая. Характер надписей убеждает, что письменностью пользовались достаточно широко, а отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительный круг людей, владевших письмом⁵.

Прочтение Чойрэнской надписи из Восточногогобийского аймака позволило установить, что она относится к 688-691 гг., т.е. к периоду возникновения Второго каганата⁶. Тем самым снимается хронологическое ограничение бытования древнетюркской письменности во Втором каганате. Чойрэнский памятник, самый ранний из датированных рунических памятников, вполне убедительно показывает, что употребление рунического письма в УП в., по крайней мере в его второй половине, было столь же заурядным явлением, как это очевидно для двух последующих столетий.

В связи с оценкой уровня культурного развития Первого и Второго каганатов следует особо остановиться на проблеме календаря и историографической традиции. По единственному памятнику Первого каганата, Бугутской надписи, впервые регистрируется использование тюрками двенадцатилетнего циклического календаря. Упомянутый в надписи год Зайца приходится, по всей видимости, на 571 г. и является первой указанной в памятнике датой. В рунических памятниках, написанных через полтора столетия

после Бугутской надписи (20-30-е годы VIII в.), двенадцатилетний календарь не только сохранился, но и применен в ряде случаев более полно, с указанием месяца, а иногда и дня события. Как и в VI в., двенадцатилетний "животный цикл" остался государственным календарем Тюркского каганата. Единицей календарного исчисления был солнечный год (йыл), подразделявшийся на 12 лунных месяцев (ай). Система исчисления возраста человека фиксировалась иным термином (йаш), который не был непосредственно связан с календарным временем. По возрасту героя памятника датированы в ряде текстов происходящие события. Этот способ датировки преобладает в больших орхонских памятниках и является единственным в более архаичных енисейских надписях. Использование датировок по возрасту героя создает замкнутое время текста, и, если параллельно не используется другая хронология, обособляет текст в ряду подобных⁷.

Наряду с календарной и личностной хронологией в Бугутской надписи и позднейших орхонских памятниках существует еще одна система датировки событий - упомянуты эпохи правления предков-каганов. Хронология, основанная на фиксации событий по времени правления государей, является единственной для нескольких памятников (надписи Тонъюкука, Кули-чора). В точности фиксации времени эта система, применяемая без дополнительных количественных характеристик, уступает циклической или личностной хронологиям, но в отличие от них является разомкнутой системой и может рассматриваться как первичная форма линейной хронологии.

О наличии непрерывного (линейного) исчисления времени в пределах сроков существования древнетюркских государств свидетельствуют эпизодически выделенные в текстах определенные, политически окрашенные периоды, снабженные количественными характеристиками. Так, точно указан срок (пятьдесят лет), в течение которого турки находились в подчинении Танской империи. Пятьдесят лет указаны в надписи из Могон Шине-Усу (см. ниже) как срок подчинения уйгуров (токуз-огузов) второму Тюркскому ка-

ганату. В Терхинской надписи (см. ниже) правильно указан срок (двести лет) существования династии тюркских каганов (династии Ашина) и срок правления уйгурских князей рода Яглакар ко времени составления надписи (восемьдесят лет). Достаточно точное указание на сроки различных по характеру и весьма протяженных по времени (десятки и сотни лет) периодов представляются немаловажным свидетельством существования фиксированной линейной хронологии и связанной с ней историографической традиции.

Таким образом, при общем преобладании циклической и личностной хронологий, скорее актуальных, чем диахронических, в древнетюркских памятниках найдла отражение прогрессивная линейная система счисления времени. Дробность хронологий указывает, с одной стороны, на относительно быстрый прогресс в осознании тюрками феномена исторического времени, а с другой – на относительную неразвитость этих представлений, оказавшихся сравнительно изолированными в системе древнетюркской культуры.

Другой областью идеологии, которая нашла отражение во вновь открытых памятниках, является религия. Именно Бугутская надпись упоминает о первом появлении буддизма как государственной религии на территории Монголии: согласно повелению Таспар-кагана в его ставке учреждается буддийская сангха. Не исключено, что разрушенная санскритская надпись на одной из сторон Бугутской стелы принадлежала Чинагупте – буддийскому наставнику из Индии, десять лет прожившему в ставке кагана.

Еще многое предстоит сделать, чтобы в полной мере выяснить значение, которое имели для буддийской миссии у тюрков экономические и политические мотивы. Несомненно, однако, что уже с самого начала существования каганата его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сфер их влияния, правители каганата нашли ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию идеологической общности в разнородной по составу державе. Лишь социально-политический кризис 581 г.

и распад державы приостановили этот процесс. Аналогичную роль играло манихейство в Уйгурском каганате.

III

Уйгурская эпоха имеет особое значение в истории Монголии. В течение менее чем столетия в рамках Уйгурского каганата окончательно оформились экономические, социальные и культурные основы традиционной для Центральной Азии цивилизации, созданной кочевыми скотоводами. Между тем при изучении именно этой эпохи исследователи менее всего могли опереться на местную историографическую традицию. Открытый в 1891 г. Н.М.Ядринцевым трехязычный Карабалгасунский памятник с тюркской, согдийской и китайской версиями был разрушен еще в древности, причем в наибольшей степени пострадала тюркская версия, а согдийская не была изучена в должной мере. Другой памятник, стела из Могон Шине-Усу, установленная при погребении уйгурского Элетмиш Бильге-кагана в 759 или 760 г., была в 1909 г. открыта Г.Рамstedтом. Однако значительная часть текста была разрушена. Иных памятников этой эпохи известно не было. Между тем в надписи из Могон Шине-Усу сообщалось, что по приказу Элетмиш Бильге-кагана и от его имени в местах его летних и зимних ставок устанавливались стелы с надписями.

В 1957 г. Ц.Доржсурэн обнаружил в Тарьят-сомоне (Архангайский аймак), на берегу р. Терхин, неизвестную руническую надпись. В 1969 г. эпиграфический отряд СММКЭ исследовал памятник и обнаружил, что надпись установлена на каменной черепахе. В 1970 г. Н.Сэр-Оджав и В.В.Волков произвели раскопки, в ходе которых были обнаружены два фрагмента той же стелы. Стела оказалась еще одним памятником Элетмиш Бильге-кагана. Первое издание надписи принято М.Шинеху⁸, который, однако, не определил точной даты памятника, отнеся его к первой половине эпохи VI-IX вв.⁹ Шинеху в переводе памятника основывался на грамматике монгольского языка; как отмечает ответственный

редактор книги доктор Н.Сэр-Оджав, "научная ценность монографии тов. М.Шинахуу состоит в том, что им впервые применен метод сравнительного изучения древнетюркского и классического монгольского письменного языков"¹⁰.

Возникла необходимость в ином переводе памятника — на основе собственно древнетюркской грамматики и лексики. Теперь этот перевод завершен¹¹. Надпись открывается торжественной декларацией Элетмиш Бильге-кагана о начале его правления:

(1) *Tengride bolmyş el etmiş bilge gaγan el bilge gatun* (испорчено 2–3 знака) *gaγan atay gatun atay atanyp ötüken kedin ucynta tez başynta örgin* (испорчено 12–14 знаков) *anta jaratytdym bars jylqa jylan jylqa eki jyl* (2) *jajladym ulu jylqa ötüken ortusynta süngüz başqan yduq* ⁶ *baş kedininte jajladym örgin bunta jarat(yt)dym çyt bunta toqytdym byng jyl(1)yyq tümen künlik bitigimin belgümin bunta* (3) *jasy taşqa jaratdym tolqu taşqa toqytdym üze kök tengri jarlyqaduq üçün asra jayyz jer igit(t)ük üçün elimin törümin elinti öngre kün toγ suqdaγy bodun kisre aj toγ suqdaγy bodun* (4) *tört bulungdaγy bodun küč berür jajγym bölük joq bol (ty)* (испорчено 8–9 знаков) *sekiz ara ylyγym taryγlaγym sekiz selenga orqun toγla sebentürdü qarγa burγa ol jer ekin subymyn qonar köčürben*.

"(1) Я, неборожденный Элетмиш Бильге-каган, [вместе с] Эльбильге-катун, приняв титулы каган и катун... тогда повелел поставить [свою] ставку на западной окраине Отюкена, в верховьях [реки] Тез. [Там] в год Тигра (750) и в год Змеи (753) (2) я провел два лета. В год Дракона (752) я провел лето посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сянгүз Башкан. Я повелел поставить здесь [свою] ставку и возвести здесь стены. Свои вечные (букв. "тысячелетние и десяти тысячелетные") письмена и знаки здесь (3) на плоском камне я повелел начертать (букв. "создать"), на грузном камне я повелел воздвигнуть. Так как [мне] благоволило голубое Небо, что/наверху, так как [меня] владела бурая Земля, что/внизу, то были созданы мое государство и мои установления. Наро-

ды, обитающие впереди (на востоке), там, где восходит солнце, и народы, обитающие позади (на западе), там, где восходит луна, (4) [и] народы [всех] четырех углов [света] отдадут [мне свои] силы, а мои враги утратили свою долю... Среди восьми [рек] мой скот и мои пашни. Восемь [рек], Селенга, Орхон, Тола радуют [меня]. [По рекам] Карга и Бургу в той стране я кочую (букв. "поселяюсь-переселяюсь") по двум моим рекам".

Поразительное совпадение древнетюркской и современной гидронимии дает возможность уверенно локализовать обе ставки уйгурского кагана. Одна из них, "в середине Отукена", была известна из погребальной надписи Элетми Бильге-кагана в Могон Шине-Усу; еще до того она была обнаружена археологически - это Ордубалык (городище Карабалгасун). Вторая, западная, "в верховьях [реки] Тез" (современная р. Тэс), расположена на территории Юго-Восточной Тувы. Здесь, в междуречье Каргы (Карга нашего текста) и Каа-хема (древнетюркское Бургу), на прибрежном острове озера Тере-холь, С.И.Вайнштейном была обнаружена дворцовая постройка уйгурского времени¹². Каа-хем вместе с притоками упомянут под названием Секиз-мурэн (Восьми-речье) у Рашид ад-Дина¹³; теперь очевидно, что гидроним восходит к более древнему времени. Упоминание в надписи, наряду со скотом, пашенного земледелия как одной из форм хозяйства и вместе с тем строительство городов-ставок показывают, что уже на самом раннем-этапе истории Уйгурского каганата там формировались иные хозяйственно-культурные типы, чем те, которые принято считать обычными для тюркских предшественников нового государства.

Терхинский памятник в значительной части текстуально совпадает с надписью из Могон Шине-Усу и отражает те же события, связанные с возникновением Уйгурского каганата.

Большая часть Терхинской надписи посвящена разгрому тюрков. В этой связи необходимая ревизия памятника из Могон Шине-Усу была предпринята в ходе полевых исследований 1974-1975 гг. В результате текст, установленный Г.Рамstedтом, был уточнен и оказалось возможным его новое по-

нимание. Так, например, сопоставляя обе надписи, удалось реконструировать текст той части восточной стороны стены из Могон Шине-Усу, где, как и в цитированных строках Терхинского памятника, говорится об учреждении двух ставок:

(7) ... ančyp bars jylqa čik tapa jorydym ikinti aj tört jegirmike kemde (8) toqydyt ol jyl [ötügen kedin učynta te/z bašynta qasar qordan örgin anta ititdim čyt anta toqytdym jaj anta jajladdym jaka anta jaqaladym belgümin bitigimin anta jaratytdym ančyp ol jyl küzün ilgerü jorydym tatarıy ajytdym tabyşan jyl (9) besinč ajqa tegi (испорчено около 20 знаков) [ulu jyl]qa ö[tügen ortu/synta [s]üngüz baš[qan]ta yduq baš kedin[te] jabaš tiquš beltirinte anta jajladyt örgin anta jaratyt dym čyt anta toqytdym byng jylyq tümen künlik bitigimin belgümin anta jasy tašqa (10) jaratytdym tolqu [tašqa toqytdym].

"(7) ... Затем в год Тигра (750) я пошел на чиков. Во втором месяце, в 14-й день, возле [реки] Кем (8) я их разбил. В том же году я приказал учредить ставку Касар Кордан в верховьях [реки] [Те/з (на западном склоне Отюкена)]. Я приказал воздвигнуть там стены и провел там лето. Там я установил границы [моих владений]. Там я приказал начертать (букв. "создать") мои знаки и мои письмена. Затем осенью того же года я пошел на восток и призвал к ответу татар. В год Зайца (751) (9), на пятый месяц... В год [Дракона] (752) я провел лето посредине Отюкена, к западу от священной вершины [С]юнгүз [Баш]-кан, у слияния реки Ябаш и Тукуш. Там я повелел воздвигнуть ставку и возвести стены. Свои вечные (букв. "тысячелетние и десятилетиячные") знаки и письмена на плоском камне (10) я приказал начертать, на грузном камне я приказал установить"¹⁴.

Реконструируемый текст сообщает дополнительные сведения о возведении ставок и сохраняет название западной ставки – Касар Кордан. Племя касар (хазар) входило в уйгурский племенной союз¹⁵, а Кордан, тюркское наименование Хотана¹⁶, оказалось перенесенным на далекую от Восточного Туркестана ставку Уйгурского кагана в Туве.

Особый интерес представляет открытие еще одного памятника уйгурской эпохи, известного под названием "Сэврэйского камня". Летом 1948 г. в Гоби работала Монгольская палеонтологическая экспедиция АН СССР. На крайнем юге пустыни начальник экспедиции И.А.Ефремов записал сообщение об обнаруженных местным учителем близ Сэврэй-сомона двух камнях с какими-то надписями, знаки которых походили на "европейские буквы". И.А.Ефремов предположил, что речь шла о древнетюркских рунических надписях¹⁷. Это было первое, хотя и непроверенное сообщение о рунической эпиграфике в Гоби. До того зона ее распространения связывалась в Монголии только с северной частью страны. Годом позднее (1949) в другом месте Гоби, у подножия Арц Богдо (Гобийский Алтай), А.П.Окладников обнаружил камень с одиннадцатью руническими знаками¹⁸. Наличие древнетюркской эпиграфики в Гоби получило подтверждение.

В 1968 г. акад. Б.Ринчен опубликовал рисунок нескольких знаков Сэврэйской надписи и слепую фотографию камня, на который они были нанесены¹⁹. Предположение И.А.Ефремова оправдалось: знаки действительно оказались руническими. В 1969 г. С.Г.Кляшторному удалось обследовать памятник на месте. Камней оказалось не два, как сообщил И.А.Ефремову его информатор, а один, но надписей действительно было две. Лежащая на равнине в 6 км к юго-востоку от Сэврэй-сомона стела из крупнозернистого трещиноватого мрамора, прямоугольная в сечении, имеет лишь одну затесанную и отшлифованную грань, на которую нанесен текст. Остальные грани и оба основания грубо обколоты. Размеры стелы: высота 0,8 м, ширина по затесанной плоскости 0,45 (0,47) м, толщина 0,7 м.

Памятник не раз повреждался; видимо, сколота его верхушка, а вся лицевая грань покрыта крупными чербинами, вследствие чего текст совершенно испорчен. На лицевой грани строго симметрично, занимая разные доли поверхности, расположены две надписи, каждая из семи строк: согдийская — по одной стороне и руническая — по другой. Рунические знаки размещены необычно далеко один от друго-

го - несомненно, чтобы сохранить внешнюю симметрию расположения текстов. Визуальное изучение памятника, эстампаж и фотографии с трудом позволяют установить очень небольшую часть согдийской и лишь немногие знаки рунической надписи²⁰.

Перевод согдийской надписи
(Выполнен В.А.Лившицем)

- (1) ... год. Тогда господин уйгурский каган (?)...
(2) и затем к (?) Иналь-тархану...
(3) и затем [он обратился] к уйгурскому кагану - де, мох...
(4) Потом... там ...
(5) ... к кагану он так обратился...
(6) ... они ... И затем (9) ...

Перевод тюркской надписи

- (3) ... десять (?) ... мятеж(ный?)...
(4) ...род (?) ...
(5) Кю(ль)-тар(кан)...
(6) ... (Н)нал Кутлу(г)...
(7) Инги Яглага (р) ...

Памятник не содержит никаких датирующих указаний. Тем не менее попытка его датировки отнюдь не безнадежна. Судя по начертаниям согдийских букв, надпись относится не ранее чем к концу VIII-IX вв. Рунический дуктус, более развитой в сравнении с кошоаидамским, ближе к варианту памятника из Могон Шине-Усу (около 759 г.), чем к чрезмерно вычурным начертаниям конца уйгурской эпохи, столь характерным для Карабалгасунской стелы (821 г.). Палеографическую датировку подтверждает упоминание некоего уйгурского кагана в согдийском тексте и родового имени уйгурской династии в тюркском²¹. Общая датировка Сэврайского камня не выходит, таким образом, за пределы времени суще-

ствования Уйгурского каганата в Монголии (744–840). Основанием для более точной датировки памятника может стать: а) рассмотрение обстоятельств, связанных с местоположением и назначением памятника; б) наличие параллельного тюркскому согдийского текста; в) атрибуция имен и титулов, наличествующих в обоих текстах.

Вблизи камня нет никаких следов погребальных сооружений, что исключает мысль об эпитафии и заставляет предположить иное назначение стелы. В надписи из Моґон Шинесу и Терхинской надписи содержатся сообщения о сооружении первыми уйгурскими каганами триумфальных памятников. Так, завоевав территорию нынешней Тувы, Элетмин Бильге-каган призывает сочинить и врезать в камень его "знаки и письма". Вслед за тем, подчинив татар, он вновь призывает "сочинить на плоском камне" его "вечные письма"²². Вряд ли иной была причина сооружения Сэврэйского памятника. Его местоположение близ южной границы каганата, в прорыве между хребтами Дзолэн и Сэврэй, на прямой дороге тюркских и уйгурских походов в Китай, как будто указывает и возможное содержание надписи. Белая мраморная глыба, резко выделявшаяся на бурой поверхности щебенчатой пустыни, установлена в горловине широкой межгорной долины, открытой на юг, к обширной дельте р. Эдзин-гол, удобному пути через аламаньские пески к Великой стене²³.

Останаавливаясь на определении Сэврэйского камня как триумфального памятника или, быть может, одного из триумфальных памятников, воздвигнутого по приказанию упоминаемого в тексте уйгурского кагана при возвращении победоносного уйгурского войска после похода в Китай, мы получаем возможность сузить хронологический диапазон обеих надписей. Все сколько-нибудь значительные уйгурские походы в Китай, отмеченные источниками, относятся к периоду 757–791 гг.²⁴. Собственно, речь идет о четырех походах (конца 757 г., конца 762 г., 765 и 790–791 гг.), последний из которых следует исключить, так как в этом случае местом действия была Джунгария, где уйгуры сражались против тибетцев²⁵. Лишь один из этих походов (конца 762 г.) возглавлялся непосредственно уйгурским каганом.

Другим обстоятельством, помогающим датировать памятник, является наличие наряду с турецким согдийского текста. Теперь уже достаточно выяснилась значительная роль согдийцев в политической, экономической и культурной жизни Туркского и Уйгурского каганатов²⁶. Первый турецкий историко-биографический памятник — мемориальная стела одного из членов турецкого каганского рода Ашина (начало 80-х годов VI в.) — написан на согдийском языке, очевидно достаточно распространенном среди турецкой аристократии той эпохи²⁷. Однако уже памятники второго Туркского каганата (682-744) писались только на турецком языке²⁸. Ничем не отличаются от рунических текстов турецкого времени и большие уйгурские надписи руническим письмом — памятники Элетми Бильге-кагана. Иное дело трехязычный Карабалгасунский памятник, турецкий текст которого сохранился лишь во фрагментах. Две его другие версии, китайская и согдийская, рассказывают не только о военных победах и политических успехах уйгурских каганов, но и о событии, которое стало центром повествования — обращении уйгурского кагана и его окружения в манихейство под влиянием согдийских миссионеров. Именно смена веры и сделала согдийский язык, язык новой религии уйгуров, вторым государственным языком каганата²⁹. Принятие новой веры произошло в 763 г.

В согдийской версии Сэврейского памятника несколько раз упомянут "господин уйгурский каган", о словах и делах которого повествовала надпись. Имя кагана здесь не сохранилось. В турецкой версии не сохранилась каганская титулатура, но читается имя Инги Яглакар. Вторая часть имени хорошо известна и означает принадлежность к правящему роду (династии) уйгурских каганов. Первое же слово является адекватной передачей китайского ин-и³⁰, встречающегося среди имен и титулов уйгурских каганов дважды: в поименованиях уйгурского правителя Ганьчжоу (Яньмэй Ин-и-кахань, ум. в 924 г.)³¹ и третьего уйгурского государя в Монголии — Идигань мауи-кахана (Иди-кэн Бёгю-каган, 759-779 гг.)³². Первый случай выпадает из рассмотрения. Что же касается Бёгю-кагана, то он стал именоваться Инги в 762 г.

В 765 г. китайский военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, Ань Лушань, поднял восстание в Фаньяне³³. Его армия, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала победу за победой над императорскими войсками. Император Сяньцаун бежал на юг, а обе столицы, Лоян и Чанань, перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к Элетми Бильге-кагану (747-759). Уйгурская конница, возглавляемая наследником каганского престола, носившим титул ябгу³⁴, нанесла поражение войскам Лушаня. Получив обещанное вознаграждение, уйгуры вернулись обратно, чтобы принять участие в походе против кыргызов (758)³⁵.

Однако внутренняя война в Китае продолжалась. В 757 г. Ань Лушань был убит своими приближенными. Его сын, Ань Цинсуй, сменивший его, также стал жертвой заговора (759), и восстание возглавил опытный полководец, соратник Ань Лушаня, согдиец Ши Симин, а с апреля 761 г. — его старший сын Ши Чао³⁶. Северо-Восточный Китай был опустошен военными действиями, имперские войска терпели неудачи, но и их противник уже не был способен одержать решающую победу. В такой обстановке внешнее вмешательство могло окончательно склонить чашу весов в пользу той или иной стороны.

Первым понял это Ши Чао. Его послам удалось было склонить Бёгю-кагана на сторону мятежной армии, но более эффективные действия танской дипломатии изменили положение. "В первый год Бао-ин (762) Тайцзун, который только что вступил на престол... послал евнуха Лю Цинтана [к кагану] просить уйгурского войска и укрепить прежний союз"³⁷. Застав уйгурский отряд уже вблизи границы, "в местности севернее Трех крепостей" (Ордос), танский посол сумел убедить кагана выступить против мятежников³⁸. С четырьмя тысячами основного войска и девятью тысячами вспомогательного каган двинулся к Шаньчжоу, где соединился с императорской армией. В ноябре 762 г. о мятежом было покончено, а в январе 763 г. был

казнен Ши Чаош. "Эти двое согдийцев (Ань Душань и Ши Чаош) опустошили весь Китай, и только к исходу восьмого года [восстания] в стране... воцарился мир", - заключает автор "Жизнеописания Ань Душаня"³⁹. По справедливой оценке Р. де Ротура, восстание Ань Душаня - Ши Чаош стало началом конца Танской империи, которая так и не смогла оправиться от потрясений⁴⁰.

Решающую роль в разгроме мятежных армий сыграли уйгуры. Но после подавления восстания дальнейшее пребывание уйгурского отряда в окрестностях столицы стало для танского двора не только дорогостоящим, но и опасным. Предпринимались все усилия, чтобы с почетом и как можно скорее выпроводить союзников. Военную помощь щедро оплатили, Бёгю-каган, его супруга и военачальники получили почетные титулы. Отныне в каганский титул Бёгю были введены слова "ни-и цзянь-гун". В марте - апреле 763 г. уйгуры покинули Китай⁴¹.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увозил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, поведников нового учения, чью веру он принял в Лояне, - согдийских миссионеров-манихеев. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках⁴². Память о Бёгю-кагане как об учредителе уйгурской манихейской общины сохранилась в этой рукописной литературе: один из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, именует его "великим государем", "мудрым Уйгурским каганом", "эманацией Мани"⁴³.

У границы своих земель, на пути возвращающегося войска, каган установил победную стелу, где рядом с тюркским письмом, за шестьдесят лет до создания Карабалгасунской трилингвы, впервые появилась надпись на другом языке, на языке новой веры. Сэврейский камень стал первым свидетельством новой ориентации культурно-идеологической политики последней из тюркских империй Центральной Азии - ориентации на согдийский запад⁴⁴.

Примечания

¹ Об истории открытия и изучения древнетюркских рунических памятников см.: С.Г.Кляшторный Я. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 5-17; Н.С.Зар-Оджав. Изучение древнетюркской письменности в МНР. - *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. 16. Fasc. I. 1968, с. XI-XIII; Э.Т.Мягский. Новые исследования по древнетюркским памятникам в Монголии и методология издания рунических надписей. - Олон улсын монголч эрдэмтний Их хурал, б. 2, Улаан-Баатар, 1973, с. 170-174; С.Г.Кляшторный Я., В.А.Дившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. - Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 37-60.

² Б.Г.Гафуров, Л.И.Мирошников. Изучение цивилизаций Центральной Азии. Опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО. М., 1976.

³ Ср., например: L.B a z i n. *La litterature epigraphique turque ancienne*. - *PhTF*. Т. 2. 1964, с. 209.

⁴ С.Г.Кляшторный Я., В.А.Дившиц. Согдийская надпись из Бугута. - "Страны и народы Востока". Т. 10. М., 1971, с. 121-146; S.K l j a s h t o r n y, V.L i v s h i c. *The Sogdian inscription of Bugut revised*. - *AO*. Т. 26. Budapest, 1972, с. 69-102. Эта публикация получила широкий международный отклик, см., например: L.B a z i n. *Turcs et Sogdiens. Les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie)*. - "Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste". P., 1975, с. 37-45; S.Ç a g a t a y, S.T e z c a n. *Köktürk tarihinin çok önemli bir belgesi: Sogutça Bugut Yazıtı*. - "Türk Dili Araştırma Yıllığı. Belleten 1975-1976". Ankara, 1976, с. 245-252.

⁵ С.Г.Кляшторный Я. Наскальные рунические надписи Монголии. - ТС. 1975, М., 1978, с. 151-158.

⁶ С.Г.Кляшторный Я. Руническая надпись из Восточной Гоби. - "Studia Turcica". Budapest, 1971, с. 249-258.

⁷ О календарной и личностной хронологиях в рунических памятниках см. подробно: L.B a z i n. *Les calendaires turcs anciens et medievales*. Lille, 1974, с. 32-284.

⁸ М.И.Анехуу. Тариатын орхон бичигийн шинэ дурсгал. Улаан-Баатар, 1975.

⁹ Там же, с. 94.

¹⁰ Там же, с. 6.

II С.Г.К л я н т о р н ы й. Терхинская надпись. Предварительная публикация (в печати).

12 С.И.В а й н и т е й н. Древний Пор-Бахми. - СЭ. 1964, № 6, с. 113-114. Исследователь правильно предположил, что дворец мог принадлежать Баи-чору (Элтийн Бильге-кагану).

18 Р а м и д - а д - д и н. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. М.-Л., 1952, с. 118; Д.Г.С а в и н о в. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время. - Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. Л., 1978, с. 26. Возможно предположить связь упоминаемой Рамид ад-Дином области Баргуджин-Токум с р. Бургу древнеуйгурского памятника; упомянутую область некоторые исследователи локализуют в Юго-Восточной Туве (см.: С.И.В а й н и т е й н. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 29-30; Н.А.С е р д о б о в. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 118).

14 Ср.: G.J.R a m s t e d t. *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei*. - JSFOu. T. 30. P. 3. 1913, с. 20-23; Г.Н.Р а м - с т е д т. Перевод надписи "Селенгинского камня". - "Труды Троицко-Ахтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества". Т.15. Вып. I. 1912, с. 43; С.Е.М а л о в. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959, с. 36, 40.

15 J.R.H a m i l t o n. *Les Oufghours à l'époque des Cinq dynasties*. P., 1955, с. 4.

16 G.C l a u s o n. *Some notes on the inscription of Toluiquq*. - *Studia Turcica*. Budapest, 1971, с. 127-128.

17 И.А.Е ф р е м о в. Дорога ветров. Гобийские заметки. Изд. 2. М., 1962, с. 229.

18 А.Н.Б е р н т а м. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. - ЭВ. Т. 12. 1958, с. 68-69. Ныне камень с надписью находится в Отделе археологии Института истории АН МНР. См. также: В.М.Н а д е л я е в. Древнетюркская надпись из Ходд-соможа МНР. - Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 163-166.

19 *Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie recueillis par Rintchen*. Oulan-Bator, 1968, с. 42.

20 Публикацию памятника см.: S.G.K l j a š t o r n y j, V.A.L i v - š i c. *Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrej (Gobi Meridional)*. - JA. T. 259. 1972, с. 11-20.

21 Это имя теперь трижды зафиксировано в рунических текстах: в Суджинском памятнике (стк. 1), в тексте Терхинской стелы (западная сторона, стк. 2): $j^a y l^a q^a r$; в Сэврейской надписи: $j^a y l a y a(r)$. Ср.: С.Е.М а л о в. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952, с. 84-87; С.Г.К л я ш т о р н ы й. Историко-культурное значение Суджинской надписи. - ИВ. 1959, № 5, с. 162-164. О формах того же имени в китайских, среднеперсидских и хотанско-сакских текстах см.: F.W.M ü l l e r. *Uigurische Glossen. - Festschrift für F.Hirth. 1920, α. 310-311; P.P e l l i o t. A propos des Comans. - JA. T. 15. 1920, № 2, с. 142; H.W.B a i l e y. The Staël-Holstein Miscellany. - AN. Vol. 2. P. I. 1951, с. 17; J.R.H a m i l t o n. Les Ouighours, с. 160.*

22 С.Е.М а л о в. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 40.

23 По мнению А.Германа, маршрут через Сэврай - Эдзин-гош вообще был единственным достойным обозначения путей из Отхенской ставки в Хангае в Китай (через Ганьчжоу). См.: А.Н е р м а н. *A historical atlas of China. New ed. Amsterdam, 1966, pl. 29.* Следует иметь в виду и другой путь, совпадающий с позднейшим Ургинско-Калганским тележным трактом.

24 C.M a c k e r r a s. *Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840).* - CAJ. 1969, vol. 13, N 3, с. 216.

25 H.E c s e d y. *Uighurs and Tibetans in Pei-t'ing (790-791 A.D.).* - АОН. Т. 17. Fasc. I. 1964, с. 83-104. Маршруты набегов 778 и 806 гг. (последний вместе с татарами) на Хэдун (восточное Ордо-са) также оставляли далеко в стороне путь через Сэврай.

26 С.Г.К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские рунические памятники, с. 78-122.

27 С.Г.К л я ш т о р н ы й, В.А.Л и в ш и ц. Согдийская надпись из Бугута, с. 121-146.

28 Китайские тексты памятников в честь Кош-тегина и Бильге-кагана, содержащие соболезнования императора Сюаньцзуна, непосредственно с содержанием и назначением тюркских надписей не связаны. Ср.: С.Г.К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские рунические памятники, с. 56-57.

29 E.C h a v a n n e s, P.P e l l i o t. *Un traite manichéen retrouvé en Chine.* - JA. Ser. XI. 1913, с. 201-223; Jes P.A s m u s s e n. *Xuñstuanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965, с. 146;* о значении Карабалгасунского памятника для истории культуры

древних уйгуров см. также: С.Г.К л я ш т о р н ы й, В.А.Л и в -
щ и ц. Открытие и изучение..., с. 48-52.

80 Консультация С.Е.Яхонтова.

81 J. H a m i l t o n. *Les Ouïghours*, с. 69, 143 (Дж.Гамильтон переводит их-и как "храбрый и справедливый").

82 Там же, с. 139. В Карабалгасунском памятнике он именуется "Достигший небесной благодати, правящий государством, мужественный, славный и мудрый каган" (*tengride qut bolıys ıl tutıys alp k  l  g bilge qaγan*). См.: E. C h a v a n n e s, P. P e l l i o t. *Un trait   manich  en*, с. 211.

83 О происхождении Ань Лушаня см.: E. G. P u l l e y b l a n k. *The background of the rebellion of An Lu-shan*. L., 1955 (London Oriental Series, vol. 4), с. 7-23.

84 C. M a c k e r r a s. *The Uighur Empire (744-840) according to the T'ang dynastic histories*. Canberra, 1968 (Australian National University. Center of Oriental Studies. Occasional paper, N 8), с. 5.

85 Там же, с. 21.

86 Основные источники, освещающие ход восстания Ань Лушаня - Ши Чаом, теперь переведены и подробно комментированы: См.: H. S. L e v y. *Biography of An Lu-shan*. Berkeley - Los Angeles, 1960 (University of California. Chinese dynastic histories translations, N 8); R. d e s R o t o u r s. *Histoire de Ngan Lou-chan*. P., 1962 (*Biblioth  que de l'Institut des Hautes   tudes Chinoise*, vol. 18).

87 C. M a c k e r r a s. *The Uighur Empire*, с. 25.

88 Там же. Возможно, что упоминаемый в стк. 5 тюркского текста Саврайской надписи Киль-таркан - то же самое лицо, что и Кан Аи Киль-тархан китайских источников. Он родился в 690 г. в знатной согдийской семье, служившей тюркским каганам. В 712 г. занимал пост советника Капаган-кагана. В 742 г., накануне падения второго Тюркского каганата, бежал с семьей в Китай и получил назначение в Пинлу (см. подробнее: С.Г.К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские рунические памятники, с. 121-122). Во время восстания Ань Лушаня стал его сподвижником, но уже в 757 г. перешел на сторону императорских войск. Вместе с двумя своими сыновьями занимал высокие посты в армии, сражавшейся против Ши Симина и Ши Чаом. Умер в 766 г. Его эпитафия сохранилась (Я н ь Л у т у н. Собрание сочинений. - Сер. "Сы бу цун кань". № 1787.

Т. В. цз. 9, л. 7а - 106), и мы смогли ознакомиться с ней благодаря любезной помощи Л.Н.Меньшикова.

39 R. des Rôvours. *Histoire de Ngan Lou-chan*, с. 362.

40 Там же, с. 2.

41 E. Chavannes, P. Pelliot. *Un traité manichéen*, с. 214; C. Mackerras. *The Uighur Empire*, с. 38.

42 A. V. Gabaïn. *Das Uigurische Königreich von Ghotscho (850-1250)*. В., 1961; О н а ж е. *Die alttürkische Literatur. Manichaica*. - *PhTF*. Т. 2. Wiesbaden, 1964, с. 231-237; О н а ж е. *Das Leben im uigurischen Königreich von Qoco (850-1250)*. Wiesbaden, 1973.

48 F. W. M. Úllier. *Uigurica*. 2. В., 1911, с. 95; E. Chavannes, P. Pelliot. *Un traité manichéen*, с. 213.

44 О культуре древнетюркского времени в свете эпиграфических исследований в Монголии см. также: С.Г.К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские письменность и история культуры Центральной Азии. - Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР. А.-А., 1976, с. 52-54; о н ж е. О генетических корнях древнетюркской культуры. - *Угро-финские народы и Восток*. Тарту, 1975, с. 36-38; S. G. K l a j a s c h t o r n y. *Einige Probleme der Geschichte der alttürkische Kultur Zentralasiens*. - *"Altorientalische Forschungen"*. Bd 2. В., 1975, с. 119-128.